

Не завирайся,—тутъ зойль безбожный...
 Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?
 Воротъ вѣдь много, велика земля!
 Куда?—«На Прѣсню погоняй, извозчикъ!»—
 «Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
 Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландскій.
 Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
 Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
 Спокойствія рачитель на часахъ
 У будки пробудился, восклицая:
 «Кто ѣдетъ?»—«Муза!»—«Что за чорты!
 Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды... [Какая?]»
 Бѣлѣтъ мостъ, по сторонамъ сады
 Подъ пинею пушистымъ спать унылы;
 Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
 Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
 Держась за нихъ, бредеть—и вотъ конецъ
 Периламъ.—«Все направо!»—Заскрипѣли
 Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
 По мрамору... Лачуги цѣлю длинной
 Мелькая мимо, кланяются чинно...
 Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
 «Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глу-
 Пойдемъ по свѣгу, муза, только тише, [богъ!..
 И платье подними какъ можно выше».

XII.

Балитка—скрыть... Дворъ темень. По до-
 Идти неловко... Вотъ, на силу, стѣны [скажъ—
 И лѣстница; по свѣгомъ по мѣстамъ
 Занесена. Дрожащія ступени
 Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
 Взошли. Толкнули дверь—и свѣтъ огарка
 Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
 Пришурясь, заграждаетъ путь гостямъ
 И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
 Но, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
 Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, не смотря на это, мы взойдемъ:
 Вы знаете, для музы и поэта,
 Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
 Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
 Ни запрещенія нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
 У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
 Сидѣли дѣвѣ... дѣвицы—не дѣвицы...
 Красавицы... названыя тутъ какъ разъ!..
 Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
 Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
 Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
 Раскладывали карты и гадали
 О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
 Надежды:—то, что мы и всѣ видали.
 Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
 И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный

Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
 Въ углу переднемъ фольга образовъ
 Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
 И верба, наклоненная надъ ними,
 Блистала вдругъ листьями золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ [красавицъ] не вполне
 Была прекрасна, но за то другая...
 О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
 И то заснувъ—о небесахъ мечтая!
 Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
 И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
 Она сидѣла нѣсколько небрежно.
 Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
 Изъ устъ ея пустое «нѣтъ» или «да»
 Едва скользило, если предсказанья
 Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйливо мила,
 Какъ польская затѣйливая панна;
 Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
 Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
 Она бѣ на судъ неправедный пошла [ромъ];
 Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взо-
 Такая смѣсь не можетъ быть уворомъ.
 Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кре-
 Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ, [дитѣ],
 А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
 И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы—
 варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
 Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ;
 И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
 Въ мундирѣ польскомъ вдоль по бастионамъ,
 Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
 И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
 Несчастный жидъ,—онъ умеръ не подѣ-
 Его жена цѣль мѣсяцевъ спусти [палкой!]
 Произвела на Божій свѣтъ дитя,
 Хорошенькую Тирзу. Имя это
 Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
 Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
 Прохожимъ не замѣчена,—ни зла,
 Ни гордой добродѣтели не зная.
 Но часъ насталъ,—пора любви пришла.
 Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
 Она въ объятія божества земного
 Упала; но, увы, прошло дней шесть,
 Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоесть;
 И съ этихъ поръ, чтобы избѣжать ошибки—
 Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ
 Свобода стала ей всего дороже.
 Обманомъ сердце платитъ за обманъ
 [Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже].
 Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ